

РИСКОВЫЙ РОМАН — ВЕРСИЯ ПРОФИ

Маск. Е. В. Васильев. — 1999. — 50 коп. — С. 3

То, что второго такого романтического Людовика XIV и безрасудно-рискового Мэкки Ножа не найти, — абсолютно точно. Он с пол оборота может завести зрительный зал так, что даже накачанные братаны с золотом на толстой шее чувствуют внезапно подступающий к горлу комок. Самое главное — он об этом прекрасно знает и умело пользуется. Наверное, именно так и должен выглядеть зрелый профи... Все это — Юрий Васильев, актер и режиссер Театра сатиры, которому сегодня исполняется 45 лет.

— Так все же, что для мужчины 45 лет? Критический возраст?

— Да, безусловно. Когда проскакиваешь опасные 38 лет, потом 42... Ведь я уже столько похо-

жил — сначала стариков, потом впервые увидел в гробу своего однокурника, Стаса Жданько, через 2 года после выпуска — вот это было страшно. Сейчас Гриша Гурвич — я даже не хочу думать, что он умер. Он шел за мной — на 3 года меня младше, но мы вместе начинали делать калустники, "Веселую козу". Однажды я ему подарил кочан капусты с воткнутой туда ручкой "Паркер".

— А чувство, что еще можете перевернуть мир, со временем не усыхает?

— Я еще потенциально неиспользованный актер. Потому я и отмечал бенефисом 40-летие, хотя говорят, что этого нельзя делать. Хотя здоровье уже жуткое — все болит, те травмы, которые не вылечил когда-то, выходя играть с вывихами, колитом и аппендицитом.

— После успеха вашего последнего мюзикла "Секретарши" не хочется окончательно удариться в режиссуру?

— Нет, это совсем другая профессия, я просто попробовал. "Секретарш" я увидел в Гамбурге, меня отвела туда моя подруга-журналистка и сказала: "Это здесь культовый спектакль". Я решил сделать русскую версию, где актеры сначала поют на английском, а потом выводят "Ах, где мне взять такую песню". Плучек меня поддержал, сказал: "Ставь. Я хочу дожить до премьеры, я очень в тебя верю". Мы целый год работали по-настоящему, и считаю, что это моя самая большая удача — я открыл актрис, которых до этого почти никто не знал и не видел, кроме как в массовке и эпизодах. Я же педагогикой занимался — преподавал в Щуке, в цирковом училище, потом у глухонемых.

— Педагогическое поприще в чем-то близко режиссерскому?

— Я понял, что это, когда стал преподавать. Когда на выпуске спектакля в Щуке сказали: "Педагог — Юрий Борисович Васильев", и вся кафедра на меня обернулась. А мои студенты мне говорят: "Вы только из зала выйдите, а то отвлекаете всех от сцены". Я же мысленно с ними — показываю, как играть, и валокордин глотаю. Кто-то из педагогов тогда прокомментировал: "Если вам непонятно, что играют на сцене, — посмотрите на Васильева..." А после спектаклей я устраивал банкеты студентам, чтобы они понимали, что такое театр.

Мария КОСТЮКЕВИЧ.